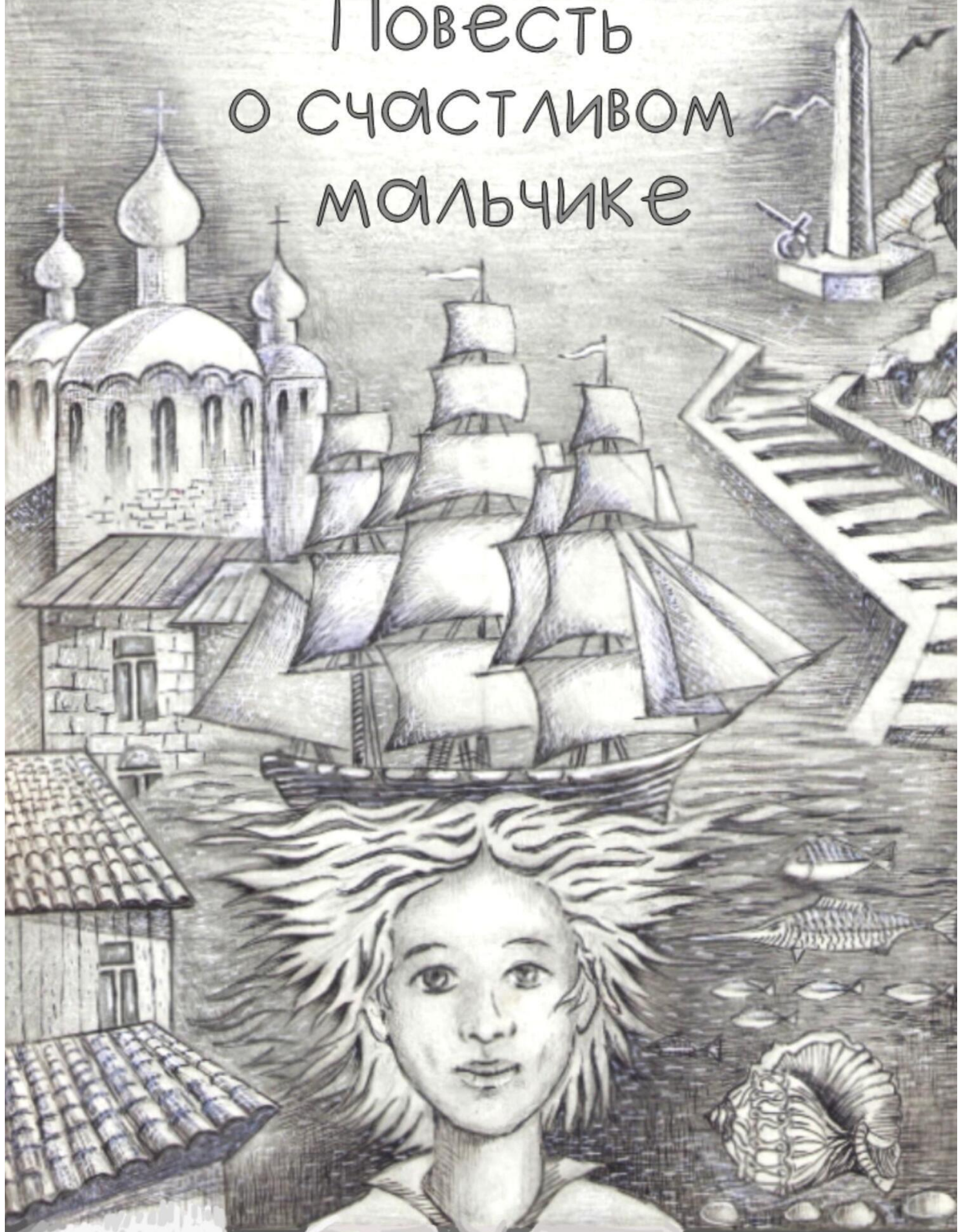

Павел Миронец

Повесть
о счастливом
мальчике

Павел Миронец

Повесть о счастливом мальчике

«Автор»

2023

Миронец П. Н.

Повесть о счастливом мальчике / П. Н. Миронец — «Автор»,
2023

В этой книге есть секрет. В ней, рассказывающей о жизни обычного советского ребёнка, юноши, взрослого человека, удивительное дело, осязательно дуновение горячего южного ветра, морская прохлада, шум волн... Рассказывается история одной жизни, а ощущается как часть истории всеобщей – от того времени, когда ещё были молоды вечные камни прибрежных скал, до греков (не бывших тогда древними), до первых толчков в животе женщины, и уходящая в вечность... Может, это и есть переправа (длиною в жизнь) из вечности в вечность?.. Обложка и иллюстрации созданы автором книги.

© Миронец П. Н., 2023

© Автор, 2023

Павел Миронец

Повесть о счастливом мальчике

Пролог

Как я воспринимал мир до своего рождения, как реагировал на помехи, приходящие из земной жизни, и на события, доносившиеся из измерения, тогда ещё параллельного? Не помню! Возможно, что есть некий период во время внутриутробной жизни будущего человека, в котором он осмысленно существует в своём, неведомом никому, космосе, где главенствует душа над ещё не развившимся телом. Думаю, что в этом, нерождённом состоянии, будущий человек видит, слышит, чувствует, воспринимает мир и все его глубины как нечто естественное, а после рождения всё напрочь забывает.

О начале своей земной жизни, о первых шагах и о событиях, произошедших со мной и вокруг меня, я расскажу со слов своей дорогой родительницы. О них я имел возможность много раз слышать в детстве. Разумеется, я не могу рассказать вам эту историю подробно и снабдить её многими интересными образами и мелочами, которые могли бы превратить изложение в литературное произведение. Пусть изображение событий будет скупым, главное, чтобы оно было правдивым. Таким, как на фотографиях тех лет, на которых запечатлён неповторимый взгляд ушедшей эпохи. В моих руках фотокарточка мамы с детьми того периода. Она сидит на стуле, на фоне белёной стены, рядом дети. Очень худая, со скорбным выражением лица. Одежда мешковато висит на ней, подчёркивая истощённость тела. Казалось, что жизнь оставалась только в её больших глазах.

Первые годы жизни в памяти не сохранились по совершенно объективным причинам, о которых вы узнаете ниже, а вот то, что было после, то, что запомнил на всю жизнь и, что произвело на меня впечатление, и имело значение и повлияло на моё становление, как человека – расскажу сам. Писать о детстве это, пожалуй, единственный существующий способ на короткое время стать мальчишкой, вернуться в прошлое в ту самую страну, которой уже не существует.

Пожар

Когда случился пожар, я находился в животе мамы и, наверняка, переживал некоторые моменты её жизни в этот период. Случившийся пожар был одним из таких неблагоприятных событий. С тех пор прошло много-много лет. Родители работали в геологической разведке, искали полезные ископаемые – они были молодыми, весёлыми, все трудности принимали с азартом и даже некоторой страстью. Я опущу всё то, что рассказывала мама о том романтическом периоде своей жизни.

После замужества она родила двоих детей: старшего – моего брата, которого назвали Иваном, и сестру Надю. Уже тогда надо было свыкнуться с мыслью о поиске новой работы и места жительства: третья беременность как приговор для вольнодумцев и романтиков.

Прощайте ночи звёздные, костры и ветры вольные! Посёлок городского типа на просторах Советской Социалистической Республики Казахстан стал одним из пунктов на пути миграции в сторону западной части нашей необъятной страны.

Отец был в разведке, а мама устроилась на почту и, несмотря на то, что я был нелёгким привеском, ей приходилось таскать сумку с корреспонденцией. То были времена, когда человек не мог даже самое малое время находиться в бездействии и хватался за любое дело.

В тот день, когда дом, в котором мы проживали, сгорел, мама была на работе. В послеобеденное время она почувствовала себя плохо. Возможно, это было связано с переутомлением – ведь ей пришлось много потрудиться с утра, а, может быть, из-за меня. Отдохнув немного

на переборке писем, она заволновалась и незадолго до окончания смены попросилась домой. Начальница непустила. Мама сделала ещё несколько попыток, и, когда осталось полчаса до конца рабочего дня, её всё-таки отпустили.

Выбежав на прямую дорогу, она увидела свой домик, в котором под замком сидели дети и поднимающийся в небо дым. На улице собирались люди, пожарных не было. Выбившись из сил, пробежала сквозь толпу зевак, открыла дверь и бросилась внутрь – тут же появились языки пламени. Она не могла потом объяснить, почему кинулась к кровати и из-под неё вытащила моих брата и сестру. «Я не знала где они, в каком месте их искать, просто забежала в дом, схватила их и вынесла наружу».

Иван затащил сестру под кровать и зажёл газету. А что делать детям, когда они под замком? Ватный матрац стал тлеть, дым поднимался вверх, малыши легли на пол и остались живы, а вот мама успела надыхаться гарью, кроме отравления у неё случился нервный срыв. Болела долго. Так как я жил в ней, то и на мне это происшествие должно было каким-то образом сказаться, а каким, не знаю.

В те времена такие пожары не были редкостью, детских садов не хватало, и родители вынуждены были оставлять малышей взаперти. Ведь не случайно на спичечных коробках того времени были популярны изображения ребёнка рядом с горящим домом. Этикетки сопровождалась предостерегающей надписью: «Спички детям не игрушка».

Это событие осталось в памяти родных, и при случае мы вспоминали о том злополучном пожаре и чудесном спасении.

Несмотря на происшествие, я родился в положенное время. Параметры соответствовали общепринятым, вес – три килограмма пятьсот граммов, рост – в пределах нормы.

Волею providения, двигаясь с востока на запад по нашим следам, в этом захолустье оказалась моя родная тётюшка и родила здесь девочку. Мама долго болела из-за стресса, у неё не было молока, и функции кормилицы взяла на себя тётя Римма. Пока мама болела, я пользовался щедростью тётюшки и поправлялся. Нам с сестрой молока хватало с избытком, Наташа не только двоюродная, но и молочная моя сестра, может быть, поэтому я её всегда любил. Вскоре посёлок мы покинули, наша семья прожила там не более года.

Так произошло моё рождение на свет – в суе советских будней или, можно сказать, по пути с востока на запад. Я не знаю того места, где родился, и как оно выглядит, и никогда не узнаю. Только в свидетельстве о рождении осталась отметка. Когда спрашивают «Где родился?», хочется ответить: «В пути», или просто: «В Советском Союзе!»

Путь

Родина моя – это в каком-то смысле путь из детства в будущее. Отчасти он предсказуем, а вот дорога, по которой пришлось его преодолевать, была не накатанной. Она таила в себе неожиданные препятствия, подъёмы в гору и крутые повороты.

Наша дорожка тянулась по бескрайним степям, городам и весям в густонаселённую, издревле обжитую Украину. Мы заехали в Саратов к маминному брату, погостив несколько дней, двинулись дальше – на родину моего отца в Полтавскую область. Но и там мы пробыли совсем недолго.

В тот период жителям Украины предлагали переселиться в Крым. Отец мой был потомственным жителем этих исторических мест, и все его родичи жили под Полтавой испокон веков. И почти все жители села носили одну фамилию. Родители, привыкшие к экспериментам, не отказались от столь неожиданного и заманчивого предложения. Было два варианта: посёлок Планерское (так назывался в то время знаменитый Коктебель) и село под Евпаторией.

Отец почему-то выбрал совхоз Кировский, о чём можно было только сожалеть. В этом захолустье мы наконец-то приземлились. Невзрачный посёлок, поля и виноградники. Тогда мы ещё не знали, что произойдёт с нашей семьёй, что это не последнее наше пристанище.

Крым, несмотря на своё географическое положение, встретил нас холодно. Удобных мест не было, а не работать – нельзя. Агитационные плакаты зазывали: «Все в поле!», «Путь колхозной жизни – путь к изобилию!» или «Женщины в колхозах – большая сила!», что уже говорить о мужчинах?

Так мы стали колхозниками. Отец шоферил, а мама дома с тремя детьми на руках, но вскоре и ей пришлось выйти на работу. Строительство коммунизма – тогда ещё актуальная идея, в которую трудовые массы верили, требовало полной отдачи.

Мама рассказывала, как вывезли их в поле на посадку винограда, а ему и конца и края нет. «Так вот, встали мы цепью и таскаем корзины с черенками за собой, а черенки не заканчиваются. Всё время подносят. Идём каждая по своей борозде и шагами меряем расстояние, и втыкаем черенки в сухую землю. Пот градом, жарко и думаю я: «Напрасный труд, как эти веточки без влаги смогут прорасти? Столько труда и всё зря». Но что интересно – эти палочки прорастали. Процентом восемьдесят принималось. Чудо! До сих пор удивляюсь этому и не могу понять: как это возможно?»

Отец калымил, развозя пшеницу и прочее колхозное добро по дворам, за это платили самогоном, и он научился пьянствовать. Кроме того, он стал гулять. Мама от переутомления и прочих неурядиц болела. Как она говорила: в доме шаром покати – ни мебели, ни посуды и вообще ничего, кроме скандалов.

Мне было почти три года, когда мы из совхоза уехали в Керчь. Она без колебаний собрала вещи, которых набралось немного, и с узелком, и тремя детьми уехала к сестре. Моя тетя-кормилица опять оказалась рядом. Приморский город поглотил меня в свои недра на долгие годы.

Я действительно стал счастливым мальчиком, наверное потому, что не осознавал причину переезда. Впрочем, я и не умел осознавать, может быть, в этом неумении кроется причина детского благополучия? Может быть, от этого дети более мужественно переносят боль или вообще забывают о ней?

Спустя годы я стал понимать больше, но не особо вникал в происходящее и не переживал по этому поводу, будто и не со мной всё это произошло. Знал только, что причина переезда была веской, и потому что любил и жалел маму.

В тот злополучный день отец, как всегда, пришёл пьяный и, чтобы был повод уйти из дому, пытался устроить скандал. Мама знала об этом и терпела все его выходки. Утомившись, он сел на табуретку в красном углу.

В этот момент я появился в комнате, и с криками «Папа! Папа!» подбежал к нему. И уже через несколько секунд я кубарем пролетел через две комнаты и сени, по пути замотавшись в тюлевую занавеску, и оказался на улице. Только тогда мама кинулась на него. Силы, конечно, были несоизмеримы, он бросил её измождённое тело на пол и ушёл. Ушёл из нашей жизни навсегда. Само слово «папа» и его смысл перестали существовать по совершенно объективным причинам.

В ту же ночь мама наняла машину – старый грузовичок, и мы продолжили своё путешествие по жизни, пересекая Крымский полуостров с запада на восток.

Я не помню, что было со мной до этого случая и что было после, и всё время молчал. Года два я не разговаривал, был как немой, и память отшибло напрочь. Однако некоторые моменты из того времени были запечатлены, как будто имели значение.

Ко мне прибежал знакомиться Вовка. Он жил через два дома от нас. Первый мой друг в незнакомом городе. Потом появились и другие, мы строили дороги и гаражи на больших песочных кучах и ездили по ним на жестяных машинах. У Вовки тоже не было отца, он погиб.

Вовка часто вспоминал о нём и гордился его именем, потому что звали его – Константин. Мне тоже хотелось иметь такого отца, чтобы рассказывать о нём друзьям. Возникало странное ощущение того, что папа моего друга жив, а моего будто и вовсе никогда не было.

В скором времени у меня появился отчим, которого я звал дядя Витя, у Вовки тоже был отчим и тоже дядя Витя, и у Игоря отчим, а вот у второго Вовки и Женьки и у Серёжки были только матери, а у остальных отцы пока ещё были. В то время трудно было с отцами, но мы, кажется, на это не обращали внимания. К шести годам я стал украдкой разговаривать. Нет, я, конечно, разговаривал с друзьями и мамой, но был немногословен. Возможно, благодаря этому, я научился размышлять, и в моменты нахлынувшего озарения мог высказаться не по возрасту.

Мысли о смерти

Я сильно переживал, когда стал думать о смерти. Неожиданно, ни с того, ни с сего, эта мысль посетила меня и некоторое время не отпускала.

Это случилось примерно в том возрасте, когда мы учились решать задачки про пункт «А» и пункт «Б» и про пешехода, который шёл со скоростью пять километров в час, а навстречу ему ехал велосипедист. Когда приходилось просыпаться под металлический рокот толстощёкого будильника и торопливо собирать портфель.

В те далёкие времена лето было бесконечно длинное, но почему-то быстро кончалось, а зима долгая и сухая. Я каждое зимнее утро, как только просыпался, с надеждой смотрел в окно. И к своему огромному разочарованию обнаруживал, что снега снова нет. И так каждый день. Бывало за всю зиму снег пройдёт лишь однажды, и если он не таял два или три дня – случалась радость, а если целую неделю держался, то я и мои друзья, да и все керченские дети были безмерно счастливы. Это ж надо, такая безграничная щедрость неба! Пушистый, мягкий и такой белый, как облака апрельские. Это было самым необыкновенным чудом в моём детстве.

А вот летом мы с друзьями ходил на рыбалку, как правило, с раннего утра. Днём купались, прыгали с корабельной рубки и подныривали под сейнера, протискиваясь между дном и килем. И так целыми днями. А потом, как следствие, среди ночи, сквозь интересные приключенческие сны, я чувствовал, как из ушей щекотливо вытекает море. В те времена мы бегали босиком, земля была чистой, а обувь только мешала, и казалось, что абрикосы и миндаль никогда не кончатся.

Дни и годы тянулись черепашьими шажками, и чтобы стать взрослым, нужно было прожить целую вечность. Именно тогда я узнал, что слёзы солёные как морская вода.

Переживания приходили на ночь и не позволяли уснуть сразу. Помню, как в тёмной комнате кутался в одеяло и украдкой смотрел на дверь, из-под которой пробивался луч света и слышался тёплый голос мамы. Мне хотелось подойти к двери, приотворить её и впустить опутанный запахом молока мамин голос. Я сожалел о том, что не могу спать рядом с ней, что я не могу стать маленьким и поместиться у неё на руках, уткнувшись в грудь. Слушать родное дыхание и спать под ровные туки её сердечного механизма. Вместо того чтобы блаженствовать, я находился в комнате совершенно один.

Днём были похороны. По дороге шла процессия с оркестром. Когда такое случалось, я подбегал к забору и смотрел. Музыка была тревожная, и хотелось заткнуть уши. А ночью, страшась тёмных углов, в которых что-то шевелилось, я укрывался с головой и, приподнимая уголок одеяла, смотрел на свет, льющийся из-под двери. В один из таких вечеров, вдруг появлялась мысль о смерти. Наверное, умер старый человек, но ведь он был молодым когда-то, а теперь его не стало.

«Как же так, – думал я, всматриваясь в тонкую струйку света, льющуюся из соседней комнаты, – неужели моя мама тоже умрёт, и брат мой и сестра, и все умрут, и что тогда будет? Я останусь совершенно один? Но это же невозможно!»

Эти мучительные мысли не были наивными, ведь они были настоящие. Мне не хотелось, чтобы мама умерла, и я пытался найти способ предотвратить её смерть, но ничего не получалось. Всё было тщетно, однако появилась надежда. Это – то единственное, во что можно было поверить.

Я подумал тогда, что только учёные люди могут придумать лекарство от смерти, ведь они смогли создать самолёты, ракеты, танки и всё остальное. Наверняка они уже работают над этим, ведь у них тоже есть мамы и братья, и сёстры. Только бы скорей, скорей... Эта мысль ободрила меня и даже немного успокоила, но сомнения были: а вдруг не успеют? В конце концов, в пылу переживаний я понял, что не верю в учёных и что всё напрасно.

Я точно знал – это обязательно произойдёт и нет никакого спасения. Неоспоримость этого факта приносила невыносимую душевную боль. Это будет с каждым из нас. Стало понятно, что и я умру, и меня не будет. И эти мысли витали надо мной, словно коршуны с распушенными когтями и пугали до тех пор, пока сон не забирал меня в свой мир. Неужели нельзя сделать так, чтобы я не умер, мама не умерла и чтобы вообще никто не умирал? Я плакал.

Изрядно помучившись, я подумал: «Раз мы все умрём и я тоже, то это надо сделать, чтоб не просто так, а красиво. Прежде чем умереть, нужно совершить подвиг. Спаси, например, кого-нибудь или ещё что-то очень важное совершить, ну, чтобы не зря умирать».

Передо мной всплывали образы настоящих героев из телевизионных фильмов про революцию. Например, про Павла Корчагина или ещё какого-нибудь коммуниста, в которого стреляют трусливые враги, а он всё никак не может упасть, потому что он сильный и никого не боится. Примеров для подражания было предостаточно.

Через несколько дней эта напасть исчезла, как будто и не было ничего. Все переживания прошли, и лишь мысль о правильном умирании ещё долгое время жила во мне и уже не вызвала страха. Главное, чтобы не зазря.

В своей первой жизни я плакал всего три раза. Первой жизнью я называю период, о котором пишу в этой повести, от своего дорождения – до четырнадцати лет, а точнее почти до четырнадцати с половиной. А если считать по событиям: то от пожара – до любви.

Конечно, слёз, наверняка, было больше, дети ведь всегда плачут. Но все эти нюни не имели значения, потому и не запомнились. Осталось в памяти только три случая. О первом я уже рассказал: подушка была мокрой, когда я понял, что мама умрёт. Второй раз я умащивал подушку солёной влагой несколько лет спустя. Это было зимой, в воскресенье, я взял у мамы двадцать копеек и пошёл в кино на девять часов, столько стоил билет на детский сеанс. Фильм про войну назывался: «А зори здесь тихие».

Я шёл домой из кинотеатра, не видя дороги – по щекам текли слёзы. Я опустил лицо, чтобы никто не заметил. Была крымская холодная зима с промозглым ветром и без снега.

В тот вечер я опять заснул на мокрой подушке. Это продолжалось несколько дней, пока слёзы не кончились.

Третий раз я плакал от счастья...

Отчим

Мы бросили якорь в приморском городе и пришвартовали свою ладью к его берегу на долгие годы. Вскоре в нашей семье появился дядя Витя. Звать его папой я так и не научился. «Дядь Вить сказал», «дядь Вить зовёт», «дядь Вить – третье», «дядь Вить – десятое».

Он был выше среднего роста с характерной причёской из шестидесятых, только без бриолина, худощавый и жилистый. Каждое утро жужжала его электробритва, потом он быстро исчезал, оставив после себя запах одеколона и гуталина.

Отчим так и остался для меня чужим. Никаких чувств к нему я не питал, но он любил маму, и поэтому мы жили вместе. Я, безусловно, преувеличиваю, называя его чужим, разве это возможно? Каждый день видеть его, разговаривать, есть за одним столом, ходить на рыбалку. Он был родственником не дальним, но и не близким, и я эту родственность ощущал. Он был даже ближе настоящих родственников, которые приезжали летом погостить и отдохнуть на море.

Дядя Витя частенько брал меня на рыбалку. Однажды мы с его другом поехали на Кубань. Поехали в ночь, на мотоцикле с коляской. На большом автомобильном пароме переправились на ту сторону и прибыли к месту назначения ночью. Это была специальная станция для рыбаков.

Несколько часов нам удалось поспать и на рассвете отправились ловить тарань на деревянных вёсельных плоскодонных лодках, которые мы взяли напрокат. Взрослые на одной лодке, а я, как барин, на другой. Целый день я мотался по плавням между островов и просек, поэтому рыбы я поймал немного, в отличие от заядлых рыбаков, которые за целый день сменили место всего один раз. Эта пресноводная рыбалка мне очень понравилась своей необычностью. Потому что я всю сознательную жизнь рыбачил только на море: чаще всего в рыбколхозе с причала или на переправе с больших каменных кубов – волнорезов. И шлюпки на море были гораздо больше размером, а вёсла тяжеленные.

Но была ещё одна грандиозная рыбалка, которая изначально предназначалась для сильных и закалённых морскими ветрами мужчин. Благодаря отчиму, я всеми правдами и, по видимому, неправдами попал на эту далеко не детскую прогулку на рыболовном судне. Поздним вечером я осваивал незнакомый причал и почему-то волновался. Капитан был недоволен моим появлением, и это понятно.

В ночь вышли в море, а уже через час разыгрался шторм. Сейнер изрядно качало, бросая из стороны в сторону. Меня кинули на верхнюю коечку, которая имела бортик, чтобы не вывалиться, и я в ней катался, как мячик по футбольному полю. В этом походе выяснилось – что морской болезнью я не страдал. Когда закончилась качка – я и не заметил. На рассвете разбудили, приказали прибыть на палубу. Там мне дали удочку-закидушку, и пошла такая рыбная канитель, какой я в своей жизни никогда не видел.

Моросил мелкий дождик и стоял густой туман, такой мутный, что видимость была почти нулевая. Вдоль бортов стояли мужчины, вернее сказать, суетились, потому что азовский бычок шёл напролом. Грузило ещё не успевало коснуться дна, как леску уже трясло, приходилось вытаскивать. На крючках, которых было не меньше десяти, трепыхалась рыба.

Почти белые песочные бычки, обитавшие в Азовском море, считались деликатесом. Эту сладкую рыбку ловили на черноморскую креветку, которой было навалом. Вёдра с креветкой стояли вдоль бортов, и мы едва успевали нанизывать крючки. В общем, рыбалка была невыносимой не только от изобилия рыбы, но и из-за того, что приходилось без остановки вытаскивать леску, снимать бычков, нанизывать креветок – и так без продыху. Большие бабьи были переполнены серебристой трепещущей рыбой. Я уже не могу вспомнить, сколько это безумство продолжалось. Вскоре мне было велено покинуть верхнюю палубу, и я снова оказался в тесной каюте.

Только потом из разговора дяди Вити с мамой я узнал, что поход был не за бычком, а за белугой, а если ещё точнее, то за чёрной икрой. Кто бы стал гнать сейнер с командой в штормовую погоду за тонной сладкой рыбки? Стало быть, вылазка была браконьерской. Всё получилось жёстко, по-мужски, без всяких удобств, но я был очень доволен и благодарен своему отчиму за то, что он умудрился взять меня туда, куда детям было нельзя. Я благодарен ему

ещё и за то, что ни при каких обстоятельствах он не ругал меня и даже не повышал голоса, и, разумеется, он никогда меня не бил. Из него мог бы получиться настоящий отец. Со временем я осознал, что был жесток по отношению к нему, прежде всего тем, что воспринимал как совершенно чужого и ненужного мне человека. Только спустя время я стал понимать, что отчим мой был простым и добрым, не таким как отец.

Взрыв

Прошёл ещё один год и ещё одно лето.

Над головой пролетела, шелестя крыльями, птица с серебристым оперением. Она легонько коснулась меня. Из-под её крыла хлынул воздушный поток, и я очутился в его тёплом течении. Высокое небо было синим и чистым и, как мне показалось, нуждалось в облаках. Огромная, необъятная тишина окружала меня, и эту тишь пронизывал металлический тонкий звук. Брат стоял напротив, а между нами зияла воронка. Сквозь потёки тёплой влаги я видел его лицо, покрытое кровью, сажей и землёй. Он смотрел широко распахнутыми глазами. Белки глаз светились. Своею белизной они могли бы соперничать только с отсутствующими в тот день облаками. Он был удивлён и испуган. Он пытался что-то говорить, но я, ошарашенный тишиной, ничего не слышал. По шевелению губ я отчётливо смог прочесть только одно слово: «Павлик». Он настойчиво произносил моё имя. Потом стал кричать так же беззвучно и всем своим видом показывал, что я должен следовать за ним. Безмолвный крик и зовущее движение истерзанной осколками руки заставили меня очнуться, и я, насколько было возможно в тот момент, сосредоточился.

Я не чувствовал ни ног, ни земли, и тогда я ещё не знал, что осколок мины угодил в рот и что рассеченные губы вывернулись наизнанку и из меня текла сладкая кровь. Бежать в таком состоянии было легко, словно по облакам. Так можно было передвигаться только во сне, но это был не сон. Удивительное состояние. Я плыл по мягкому травянистому полю, а затем по тропе выходящей вдоль огорода. Мимо пустых грядок, круглых вишнёвых деревьев и оград, обтянутых старой рыболовной сетью.

Тропа была длинной, вязкой и какой-то ватной, в то же время пружинящей, а движения были замедленными и плавными.

На самом деле всё происходило гораздо быстрее, как это бывает в настоящем времени. Но я был в другом времени, в другом пространстве, где все предметы и я сам имели иную структуру.

Если бы я смотрел на себя со стороны, как бегу с поля, что за огородом, потом по тропе и через двор до калитки, а от калитки до дороги – это ещё метров пятнадцать, то наверняка бы заметил, что времени на это ушло две-три минуты.

Точно помню, что я бежал долго. Две минуты тянулись как двадцать, а может быть больше. Неторопливое время давало возможность рассмотреть второй план и даже третий, а ещё все те подробности, которые раньше не заслуживали внимания. Всё, что было до этого момента обыденным, сейчас представлялось необыкновенным, красивым. Тысяча жарких жал вонзалась в горло, и я готов был умереть, только бы не чувствовать жажды. Именно жажды, потому что хотелось пить, и это желание было страшнее всякой боли. Собственно, боли-то не было никакой.

Сестра стояла у открытых дверей дома, когда я медленно пробежал мимо. Она схватилась за голову.

Вот снова предо мной лицо брата и снова безмолвное, но уже тихое и менее испуганное шевеление губ: «Павлик. Павлик...»

За спиной хлопнула калитка, брат стоял у дороги. Первая проезжавшая мимо машина резко остановилась. Повезло, ведь машин на дороге в то время было немного. Это был ста-

ренький автомобиль, какие можно было видеть в те годы. Водитель оказался более чем расторопным, ему не нужно было что-либо объяснять. Очередной случай в городе – опять пацаны взорвались. Он уже выскочил из машины, с поспешностью открывал дверцы и усаживал нас на задние сиденья, а я всё ещё слушал визг тормозов. Назвать цвет автомобиля с точностью не могу, кажется, он был солнечного цвета и такой яркий, что закружилась голова.

Потом земля стала вращаться, а у меня во рту оказался раскалённый уголь. Немилосердно он прожигал меня насквозь. Я не принадлежал себе, и не по своей воле опрокинулся навзничь, а потом ещё раз и ещё, и тогда меня закружило и понесло в опустошённое, беззвёздное пространство. А потом пошёл снег, который кружился вокруг меня и, закручиваясь в спираль, уносился далеко вперёд, как будто указывая путь. Там, в глубине бесконечной ночи, я увидел маленькое солнце.

Год прошёл незаметно, будто ничего и не было, кроме осеннего взрыва. Зимы тоже не было, только промозглая, сухая, с ледяным ветром, тоска. Снега, которого я всё время ждал, тоже не было.

Мама носилась со мной по всему городу от одной клиники к другой и плакала. Один из докторов сказал, что брат мой может ослепнуть в скором времени, и от того она так страдала. Наэтот раз всё обошлось. Ещё не выветрился из памяти случай произошедший два года назад, когда Ваня решил подняться к обелиску Славы, который возвышался над городом на горе Митридат, не по лестнице, а по скалистому склону. Тогда он сорвался и упал на камни, в результате чего ему удалили селезёнку и на животе красовался большой, несоразмерный его росту, шрам.

Вообще он держался молодцом, всё ж таки – старший брат. Ему было уже двенадцать, а мне восемь. В машине, которую гнал неизвестный нам водитель, я потерял сознание, и оттого брат сильно переживал, чувствуя свою ответственность за случившееся. Он, конечно, винил себя и всё думал, как посмотрит в глаза маме и что скажет ей? Эти душевные муки не давали ему потерять сознание, и он действительно держался изо всех сил. Терпел до самой больницы, и, уже лёжа на столе, когда с его тела пытались снять изодранную одежду, он вытащил из штаннины пистолет и со словами: «Доктор, это вам на память», – потерял сознание.

Спустя годы, когда раны зарубцевались, а шрамы по мере нашего взросления постепенно сглаживались, и не находилось уже места для огорчений по поводу того злополучного взрыва – мы вспоминали о прошлом.

Случай с пистолетом, о котором нам поведал сам доктор, особенно веселил. Брат к тому злополучному взрыву позвал меня, сестру и соседа Кольку, но они запоздали, а я успел, чем и похвалялся. Сестра не огорчалась, что опоздала, ведь могла потерять красоту, для девочки это самое страшное. Если она о чём и жалела, то только о том, что не родилась мальчишкой. Колька втайне завидовал, сожалея, что не взорвался с нами. Но зато он был свидетелем события и мог об этом рассказывать другим пацанам.

Если бы я припозднился, как сестра, то не услышал бы крошечной тишины и не увидел бы высокого неба, тоскующего без облаков, и, конечно, не лицезрел бы на развернувшемся чёрном пергаменте вселенной крупного снега. Возможно, я был бы менее счастлив...

Школа

Школьные будни своей монотонностью напоминали мрачное ноябрьское небо, по которому проплывали тяжёлые облака. Иногда случались чудеса: солнце пробивало своими лучами серую пелену и щедро одаривало светом и теплом всех жаждущих. Таких вспышек всегда недоставало. Ох уж эти тоскливые будни, состоящие из мерно шагающих минут, которые превращаются в годы и наполняются чётко обозначенным однообразием, незапланированной радостью и переживаниями.

Тем не менее, этот период, занимающий часть жизни и в тоже время обогащающий её, является очень даже важным. Учебный процесс сам по себе и не может быть ярким, да и не должен, а вот атмосфера перемен, школьного двора и внеклассных перипетий всегда имели интересную цветовую гамму. Вспоминать и рассказывать то, что все знают – нет смысла, и по этой причине буду краток.

Первый детский возраст закончился, и я, будучи уже опытным в жизни человеком, переступил порог школы номер восемь. Второй раз в первый класс, и так это получилось неудачно, что мне сразу расхотелось учиться. Хуже нет – переходить из одной школы в другую в середине учебного года.

Добавлю небольшое уточнение. Начал я учёбу в специальной школе – санатории для детей с заболеваниями сердца. В то время медицина была на высоте, во всяком случае, в Крыму. Детей тщательно обследовали и своевременно лечили. Мой диагноз не подтвердился, чему мама была очень рада, но в связи с этим пришлось устраивать меня в школу по месту жительства. Спецшкола оставила в моей памяти только парты с откидной столешницей, чернильницы, перьевые ручки, кляксы в тетрадках и грязные чернильные руки.

В восьмой школе я был чужаком и сразу стал подвергаться репрессиям со стороны учительницы, имя которой не запомнил. В новом классе были любимчики и культивировалось доносительство, поощрялись лести и даже клевета.

Однажды маму вызвали в школу по пустячному делу, суть которого не имела ничего предосудительного, нет смысла рассказывать об этом подробно. Главная цель заключалась в том, чтобы показать маме, что она в любом случае неправа. Чёрная учительница, так я её назвал сразу, как только увидел, ещё не зная о ней ничего. Как потом выяснилось, с прозвищем я не ошибся.

Она сказала: «Ваш сын совершил проступок, – и посмотрела на меня сверлящим взглядом и хорошо поставленным голосом, как властная помещица, спросила: – Зачем ты это сделал?»

Я ответил, что не делал ничего. Тогда она обратилась ко всем и спросила у них: «Дети, скажите маме этого мальчика, он это сделал или нет?» И все, или почти все, ответили хором: «Он, он, это он». Чёрная тётка торжествуя брызнула на нас смеющимися глазами и, наслаждаясь своей ложной победой, сказала не без ехидства: «Вот видите!»

Она была похожа на дрессировщицу, а дети на цирковых собачек, готовых выполнить любую её прихоть. Роль кнута выполняла указка, а вместо малюсеньких кусочков сахара – сладкозвучное «Молодец!» и поглаживания по головке.

Я не мог рассмотреть одноклассников в тот момент, потому что пребывал в шоке, но уверен, что муки совести некоторые из них всё же испытывали. Мы с мамой шли домой и почти всю дорогу молчали. Она держала меня за руку, и я чувствовал тепло, которым она делилась со мной. Подходя к дому, она сказала: «Я верю тебе. Потерпи».

После этого случая я пребывал в некотором недоумении и не мог до конца поверить в то, что учительница может врать и учить этому детей. Это был хороший довесок к жизненному опыту, моё доверие к взрослым таяло на глазах. Но я знал, что хороших среди них было больше.

Этот случай я запомнил на всю жизнь и, что интересно, ничего подобного мне не довелось наблюдать в будущем. Как будто невидимая рука писала под меня сценарий, чтобы с самого детства я почувствовал боль и обиду, чтобы мог отличать ложь от правды.

«Я верю тебе, потерпи» – мамины слова меня ободряли. Да и терпеть пришлось недолго. Я прыгал до потолка от радости, когда стало известно, что в сентябре пойду в другую школу. Значит, не зря мы взорвались.

К тому времени построили новую школу, которая была ближе к дому, и я перешёл в неё. Радость была оттого, что учительница на этот раз попалась добрая. Светлана Николаевна была сдержанной и терпеливой – совершенная противоположность предыдущей обманщице.

Было и огорчение, оно исходило от меня самого. Появились комплексы. Зашитые губы, шрам на щеке, разбитые передние зубы и несколько осколков в глазу и на лбу не давали покоя. То, что я по этому поводу переживал, никто не знал. Взрослым было некогда разбираться, всё списывалось на характер, и я замкнулся в себе. Мама с утра до вечера – на работе, отчим – тоже, а в школе слишком много детей, чтобы обращать внимание на каждого.

Классы были большие, не менее тридцати человек в каждом. Мальчиков и девочек примерно поровну. Бывало, вызовут к доске, а у тебя из-под ног земля уходит. Стою перед всеми и не знаю, куда глаза спрятать: все так и тарашатся на моё уродство. Учительница спрашивает, а я знаю что ответить, но молчу. Опущу голову и горю от стыда. Особенно были невыносимы сверлящие взгляды девочек. «Ну вот, ещё один невыученный урок. Когда это кончится? Садись», – скажет опять учительница, расписавшись красным в дневнике. Двойка – это ничего, главное, быстрее сесть за парту. Ничего, думал я, когда будут письменные задания, тогда всё и исправлю. Контрольные и самостоятельные работы я любил, а они всегда выручали.

Годы шли, мы незаметно росли, переходя из класса в класс. По мере взросления шрамы мало-помалу разглаживались. Девочки задерживали взгляды на меня дольше обычного, с некоторыми я иногда общался. Разумеется, инициатива исходила не от меня.

Они делились на две категории: одни были добродушными и стремились при случае побаловаться, а другие, наоборот, агрессивными без всякого повода. Я не знал, что являлось причиной такого недружелюбия, но дистанция между нами соблюдалась неукоснительно. Конфликтов не было, но и симпатий друг к другу мы не проявляли. Первое утверждение не требует доказательств, потому что я ни с кем не ссорился, а вот второе проверить опытным способом невозможно. Именно симпатии могли быть естественным раздражителем. С трёх сторон меня окружали *мои* девушки. Разумеется, имена их произносить не буду и опущу кое-какие подробности. Одна из них сидела впереди с моим школьным другом В.Ю., справа во втором ряду; вторая – не помню с кем; а третья – рядом со мной. *Мои* девушки не знали о том, что они *мои* и не узнают никогда, если не прочтут эту повесть.

Обратите внимание на то, что я их не называю бабами, а мог бы. Внутренний мир школьника, независимо от того в каком классе он учится, гораздо богаче внешнего, предназначенного для всеобщего обозрения.

Про себя я мог называть нравившуюся девочку как угодно. В моих о ней размышлениях она была самой лучшей, самой красивой, и, конечно, она была настоящей принцессой, но это оставалось в моём сердце, куда доступ для всех был закрыт. Когда же мы общались с пацанами или бузили всем классом, то прекрасная принцесса и прочие русалочки назывались просто и лаконично – бабы.

Сложно быть объективным в полной мере, описывая свои чувства и переживания в столь юном возрасте, но я стараюсь не вносить в воспоминания суждения взрослого человека. Однако слова, о которых я тогда не имел представления, а если и знал, то не мог ими пользоваться, приходится применять. Иначе не получится повествования. В то же время некоторые слова, применяемые нами в детстве, приводят меня сейчас в недоумение.

С какого возраста мы к ним так обращались – не помню. Возможно, с первого класса. Сейчас меня это обстоятельство коробит, а тогда это было обыкновенным делом. Бабы – и всё тут. Да они и сами себя так называли. «Бабы, шестого не будет, Людмила заболела, пошли в кино сходим!» или «Эй, бабы, давайте с пацанами в пионербол сыграем, опять кучу-малу устроим».

Писклявые бабы в белых фартуках, с кружевными воротничками и манжетками, с бантиками в жидких косичках, прилежно сидели на уроках, аккуратно сложив ручки на парте. Те, кто знал ответ на заданный учителем вопрос, судорожно трясли кистью руки, а те, кто не знал, были спокойны и тоже тянули руку за компанию: мол, и я знаю. На перемене кто-нибудь

из них вопит: «Дурак, а ну отдай, я всё Светлане Николаевне расскажу!» и треснет обидчика учебником по макушке.

Когда девочки были совсем маленькие, то носили звёздочки с изображением Володи Ульянова на груди. На смену значкам пришли пионерские галстуки – их завязывали на шее. На переменках наши бабы успевали играть в классики и скакалочки. К сожалению, они не любили фотографироваться, и когда я направлял фотик, пытаюсь остановить мгновение, они резко отворачивались или закрывались портфелями. Поэтому и фотографий того времени очень мало. Они росли быстрее нас, а некоторые из них становились похожими на женщин, но только маленьких.

Девчонки были очень стеснительными на уроках физкультуры. Всё из-за формы: белый верх, чёрный низ – футболка и трусы. Спортивные штаны под запретом. Нижняя часть формы была для некоторых невыносимо постыдная, но правила были очень жёсткие, а Вера Михайловна – учитель по физ-ре – неумолима. Она была принципиальной женщиной и применяла репрессивные меры к непокорным. Девочкам, а их у нас было около пятнадцати и все разные, приходилось приспособливаться, перебарывать все свои опасения и комплексы, связанные с самооценкой.

Я не буду вспоминать и описывать, как кто выглядел, несмотря на то, что перед глазами отчётливо всплывает картинка. Стоим в шеренге по росту: сначала мальчики потом девочки – белый верх, чёрный низ – высокие и маленькие, худые и упитанные. Командный голос Веры Михайловны звучит как труба, зовущая в бой. «Направооо! Налевооо! Кругооом! Кругооом! – вопит она, удлинняя окончание красивым контральто. – На первый-второй рассчитайсь!» И мы, ощущая себя поколением будущего, рассчитываемся, чётко совершая движение головой налево и обратно. У кого-то ноги как спички их трусов торчат – это у нас, пацанов, а у девчонок вид гораздо лучше, ляжки у них были толще наших и почему-то привлекали внимание. Мы привыкли друг к другу – столько лет вместе – и совсем не замечали каких-то телесных изъянов, которые, возможно, и были. Мне почему-то все они нравились, и всё в них нравилось, кроме агрессии.

Наступил период, когда мы сбрасывали с себя красные галстуки, а вместо них на груди красовались комсомольские значки. На них был изображён Владимир Ленин на фоне красного знамени. Бабы уже не прыгали и не бегали как раньше. Они толпились у окон, а некоторые из них обнимались, что меня приводило в недоумение. Наверное, мы, пацаны, были тогда ещё детьми, а они становились настоящими девушками, и в крови у них пробуждалось женское начало, о котором мы уже догадывались, замечая, как меняется их внешность.

Людмила Лазаревна – наш классный руководитель – периодически устраивала нам вечеринки. Протокол был несложный: сначала мы пили чай с пирожными, а потом сдвигали парты в один угол, включали магнитофон и танцевали. Собирались часам к пяти в кабинете истории, замыкали дверь, задёргивали занавески, чтобы укрыться от внешнего мира и создать обстановку полного уединения. В такой камерной обстановке у нас начинался культурно-интимный внеучебный процесс.

Предварительно каждый тщательно готовился к волнительному мероприятию. Я, например, наглаживал стрелки на брюках и ушивал уже ушитую рубашку. Ушивать сорочки на маминной машинке я научился быстро, благодаря моде и товарищам, которые хотели соответствовать и приносили свои школьные рубашки. Теперь на моей было уже четыре вытачки: не только сзади, но и спереди. Перед выходом я обильно орошал себя одеколоном. Конечно, никто не опаздывал.

После сладкого застолья, сдвинув парты, настраивали музыку. Одна из *моих* девушек возмутилась: «От кого это так несёт одеколоном?» – чем сильно смутила меня, и я вынужден был жаться в пустующий угол. По этой причине на первый и на второй танец я никого не пригласил, наблюдая за всеми со стороны, надеясь на то, что запах выветрится. Людмила Лаза-

ревна объявила «белый танец», и меня тут же пригласили. Я был в замешательстве оттого, что это была одна из *моих* трёх, как раз та, которой так не понравился запах моего «Шипра», но теперь она его не замечала. Его мне подарили на 23 февраля.

Одеколону того времени имели сильную концентрацию и оттого невероятно мощный запах. Если такой влить в ведро воды, то получится вещество, которое продают в настоящее время под видом одеколону. Так вот, она меня пригласила, и мы сблизилась. От неё вкусно пахло розовым вареньем. Я взялся за её талию кончиками пальцев, а правой рукой за её левую, но всё так неловко получилось. Она с заметным удовольствием управляла мной – вот так надо, а теперь так. Потом она бросила мою руку и обняла – я обнял её и тут же почувствовал прилив крови. Ощущение было невероятное и пока ещё необъяснимое. Этот медленный «бостон» по своей сути был каким-то сказочным действием и лишь отдалённо напоминал нечто похожее на вальс. Но тогда для нас это был самый настоящий танец.

Впрочем, я и сейчас думаю, что танец был правильным. Только будучи соучастником действия, я мог обнять девушку совершенно легально и почувствовать её по-настоящему. Завтра никто из нас не посмеет этого сделать, и ни одна из девочек уже не позволит себя обнять. Не потому что никто не захочет, а потому что начнёт работать врождённое чувство нравственности, нормы которого мы постигаем таким способом, а может быть, потому что школа – это вам не шуры-муры. И выдуманные нами комплексы тут ни при чём. Именно в этот период взросления наши бабы стали превращаться в девушек. Людмила Лазаревна была мудрой женщиной и хорошим психологом. Благодаря ей, мы целомудренно, не совершая ошибок и без потерь, познавали те аспекты жизни, которые были так необходимы в том прекрасном переходном возрасте.

Мальчики, а если соблюдать терминологию, то – пацаны, тоже делились на две группировки: одни занимались вольной борьбой, другие классической, но на самом деле никакого разделения не было. Это всё равно, что разделить лужу, разрезав её перочинным ножом. Все находились в одной лодке и синхронно гребли в одном направлении, когда были в школе. Дружбы, скреплённой кровью, не было. Все были в той или иной мере товарищами, а сблизжали нас друг с другом общие интересы и увлечения – это спорт, коллекционирование марок или значков, раскопки (то есть поиск кладов или боеприпасов). Я вёл двойной образ жизни, и все прочие школьники, наверное, тоже. Школа – это одна жизнь, а дом и улица – уже другая. Придя домой, я старался разделаться с домашним заданием, чтобы на некоторое время забыть о школе, потому что здесь меня ждали другие лодки и другие гребцы, только ветер был один и тот же и всегда попутный.

И почему никто не сказал мне тогда, что шрамы украшают мужчину? Если взрослых они не портят, то мальчишку, наоборот, могут превратить в героя. К сожалению, ничего подобного не произошло, и я, прибавляющий в росте, становился уже, ну если не симпатичным, то, как минимум, не хуже других, но привычка комплексовать была неотъемлемой частью души, и это сказывалось на моём поведении в обществе ещё долго. Если быть совсем точным – то до настоящего времени.

Чаще всего, это проявляется в виде смущения, например, когда мне приходится быть в центре внимания большого количества людей. Происходит сбой, и я в этот момент теряюсь в пространстве. В общем, всё то же, что и в школе, начиная со второго класса. Однако разница есть. Дети никогда не посмеивались надо мной, потому что они великодушнее взрослых и не успели ещё обзавестись общеизвестными пороками.

Всегда найдётся человек или группа лиц, которые не упустят возможности высмеять ваши недостатки. Со временем стало понятно, *что* прячут они за своими улыбками.

Умение видеть насквозь, заглядывать в душу – расставляет всё на свои места. Анализируя происходящее со мной и вокруг, я пришёл к выводу, что всякий человек, имеющий явный

или даже скрытый недостаток, в противовес этому становится обладателем определённых способностей. Таким образом, сохраняется баланс качеств, а далее всё зависит от самого человека.

Дети идут в школу, балуются, смеются, а что происходит в душе каждого из них – никто не знает и никогда не узнает? Для чего они родились и живут? Конечно, для того, чтобы быть счастливыми. Шрамы на лице и руках – это не так страшно, главное, чтобы их не было в сердце, но, к сожалению, душа ребёнка слишком доверчива и ранима. А, может быть, и не к сожалению, а для того, чтобы закалиться и быть готовой к взрослой жизни.

Как же я сокрушался, что был не таким, как все нормальные дети, и сторонился шумных и весёлых компаний, что не был таким активным и разговорчивым, как мои друзья! Теперь думаю иначе, если бы я был такой как все, то не смог бы постигнуть те тайны, о которых многие из моих товарищей до сих пор не знают и, может быть, никогда не узнают. Ощущение того, что ты что-то упустил в жизни, заставляет сожалеть, но благодаря этим упущениям есть возможность познать и приобрести гораздо больше.

Школа для меня была неким испытанием. Я и любил её, и ненавидел.

Очередной поход

Ранним утром он взял меня с собой. Наш поход затянулся почти до вечера, вернулись домой голодные и грязные. «Бродяги вы этакие», – кричала мама, когда мы пришли с передовой. Весь её гнев обратился на Ивана из-за того, что взял меня с собой, а мне тогда было пять лет. «Передовой» мы называли Трёхгорку и поля, стелющиеся у её подножья. Сопка с тремя вершинами была видна издали. Её каменистые склоны, сплошь усеянные железом, привлекали наше внимание. Во всех углах вспаханных полей устанавливались шесты с красными флажками, трактористы, обрабатывающие пашню, под этой метой складывали боеприпасы времён войны. Нас это не интересовало. Зачем нам бомбы и снаряды? Но мы и туда заглядывали – вдруг что-нибудь поменьше найдётся?

С этого и началась моя любовь к раскопкам. До того как мы подорвались, мне не удавалось найти ничего путного, потому что был мал и не было опыта, да и ходить далеко было нельзя. А вот после взрыва меня уже никто не мог остановить. Мы доставляли маме много неприятностей. Брат ходил со своими друзьями, мы их называли «большие пацаны», а они нас называли «пацанята» или просто «малышня». Я был уже опытный и, что называется, обстрелянный, и с этим надо было считаться. За несколько лет мы обследовали как минимум одну четвёртую полуострова. Когда делать нечего или очень захочется – мы шли на передовую, а после к Азовскому морю.

Всего не расскажешь, но один такой поход я попробую описать. Мне и самому интересно вспомнить о своём послевоенном детстве. И действительно, ощущение было такое, будто война была совсем недавно, хотя прошло уже тридцать лет. Тогда этот временной период казался огромным, наверное потому, что мы были маленькие и всё, что нас окружало, измерялось нашим невысоким ростом, короткими шажками и взглядом снизу вверх. Конечно, это касалось и времени. С тех пор всё изменилось до такой степени, что порой кажется, что всё то, что я пережил в детстве, произошло не со мной. Будто все мои воспоминания я позаимствовал у белокрысых мальчишек из приморского города, про которых когда-то давно смотрел фильм. Будто произошедшее со мной случилось в другой жизни тысячу лет назад, когда всё было не так, как сейчас.

Походы начинались с утра, и этот день не был исключением. Пошли вдвоём – я и Игорь, Вовкин брат. С собой, как правило, ничего не брали, кроме ножей из толстой стали, потому что они не гнулись, и никогда не ломались. Оставив за спиной водокачку и дачные домики, заросшие черешней и персиками, мы оказались у Царского кургана, сразу за которым начинались Аджимушкайские каменоломни. В посёлке всегда пили колодезную воду, старались побольше,

чтобы хватило, потому, что дальше никаких источников не будет. Вода была вкусной и сытной. Миновав крайние дома, мы наконец-то попадали на поля былых сражений. Сто раз здесь уже были, а может и больше, и другие пацаны были, и будут после нас ещё многие. На поверхности уже ничего нет, кроме осколков и крылаток. Крылатками мы тогда называли заднюю часть миномётных и более крупных снарядов. У нас были свои устойчивые названия, которые передавались по наследству от больших пацанов – к маленьким, от старших братьев – к младшим. Разбираться в боеприпасах учились сами. К полудню мы дошли до большого по своей протяжённости обрыва, склоны которого были покрыты кустарником. Здесь мы могли подкрепиться ягодами тёрна и ирги. Сверху открывался вид на огромную долину. Большие пацаны называли её Долиной любви, как потом выяснилось, эту местность все называли так, и даже приезжие. Она была очень большой, книзу сужалась и соединялась с морем. Азовское море бушевало, большие закручивающиеся волны накатывались на берег, омывая красный песок. Появлялось естественное желание – броситься в воду, но для этого нужно было преодолеть ещё около двух километров. Однако на свежих обвалах, которые произошли от вчерашнего ливня, мы обнаружили россыпь патронов и множество осколков. «Наконец-то нашли», – сказал довольный Игорь. Ножи врезались в землю, выковыривая из её недр патроны и гильзы, пули, гранаты и прочий металл. Какими счастливыми мы были в те минуты! Ни голод, ни жажда нас не отвлекали от любимого дела. Насытившись удачей, пошли к морю. Замаскировали всё нами добытое и пустились навстречу солённому ветру. Справа и слева от устья долины, у самого пляжа, постепенно, по нарастающей, возвышались илистые берега. Обрывистые склоны хранили в себе много интересного, они открывались чаще всего весной, после зимней сырой погоды и штормовых ветровили после проливных дождей. Однажды большие пацаны во главе с моим братом обнаружили торчащий ящик с немецкими миномётными снарядами. Боеприпасы были в отличном состоянии, даже смазка на них осталась. Ох, как мы им завидовали! Поэтому, оказавшись на пляже, мы обследовали все обвалы и оползни. Азовское нас привлекало тем, что здесь частенько была волна, в то время как у нас в проливе был штиль. Вдоволь накупавшись, мы двинулись в обратный путь. Дело было к вечеру, а вернуться надо до темноты – иначе влетит ещё больше. По пути к нашим схронам мы обнаружили целую поляну грибов. Сверху белые, а снизу розовые и заманчиво крупные. Что делать, нельзя ведь упускать такую добычу? Но мы не знали точно, что за грибы и можно ли их есть? У пастуха, который пас стадо красных коров, справились о находке. Он сказал, что это хорошие грибы, а называются они «печерица». Тогда мы сделали из рубашек мешки и наполнили их под завязку. Добравшись до места наших раскопок, мы тут же принялись за работу. Время идёт быстро, а хочется ещё порыться в земле. Нам снова повезло, мой нож сразу уткнулся во что-то твёрдое. Мы вытащили две русские винтовки и несколько испещрённых пулями касок.

Удача сопутствовала, но что делать со всем этим добром – мы не знали. Добыча была неподъёмной для двоих, и надо было чем-то пожертвовать. Выбрали самое лучшее. Крепко подвязав штаны верёвкой, наполнили карманы патронами, на которых было меньше ржавчины, выбрали каски получше. Винтовки оставлять нельзя, они хоть и ржавые оказались, особенно концы стволов, однако могут пригодиться. Гранаты и клетчатые лимонки закопали. Грибы оставлять тоже нельзя, может быть, мамы наши будут довольны и гром родительского гнева пройдёт мимо. Надо брать.

Под палящим солнцем, довольные и голодные мы двинулись в обратный путь. Он казался нудным и длинным, но как-то незаметно мы его преодолели. При подходе к своей слободке нас обуяло волнение. Это чувство собственной вины, смешивающееся с некоторой несправедливостью по отношению к нам. Волнение было не напрасным. Чёрные от солнца и с выгоревшими до самых корней взлохмаченными волосами, похожими на прошлогоднее сено, с винтовками наперевес, на стволах которых висели мешочки с грибами, мы вынуждены были остановиться на перекрёстке. Переполненные карманы так отягощали штаны, что веревки, которыми они

были подвязаны, натёрли до крови бока. С касками в руках, мы стояли на перепутье дорог. Ещё полчаса назад мы были самыми счастливыми людьми в мире, а теперь на нас надвигалась туча. Прямо по курсу, заметив нас, торопливо шла навстречу нам мама Игоря, а по дороге справа шла моя с лозинкой в руке. Мы прижались к обочине, вдоль которой рос густой приземистый миндаль, и оставили в траве всё, кроме грибов. Я смело пошёл навстречу маме Игоря, а он – навстречу моей, таким образом, мы избавились от первой и самой сильной волны родительского гнева.

Через два дня мама с дядей Витей повели меня в милицию. Конечно, я догадывался зачем и почему. После взрыва прошло полтора года, и она всё ещё переживала за нас. Болезненно преодолев очередное ненастье, она не хотела, чтобы повторилось что-то подобное. Каждый год в Керчи погибали или получали увечья люди, и все эти люди, за редким исключением, были дети. Когда мы пропадали на целый день, она ждала нас как солдат, ушедших на задание, а мы этого не понимали. Милиционер, сидящий в своём мрачном кабинете, должен был стать неким орудием устрашения. Несмотря на то, что он пытался быть строгим и хмурил брови, я его не испугался, но во всём соглашался, усердно кивая головой, и кажется, обещал маме, впредь не заниматься взрывным делом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.